

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОРНЯ В СОВРЕМЕННОМ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

TRANSFORMATION OF THE ROOT IN THE MODERN KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

M. Kardanov
M. Ezaova
J. Shugusheva

Summary: Etymological studies in the Abkhaz-Adyghe languages have so far been conducted within the language family in order to identify common root morphemes or determine sound correspondences in related languages. The meanings of sounds were not given due attention, which made it difficult to perceive the semantics of both the words themselves and, in particular, the root elements. Modern trends in linguistics in the field of etymology go beyond the boundaries of the study of the language itself and require interdisciplinary research that will ensure the proper depth of analysis of all components of the lexeme. The article attempts a multi-aspect consideration of one root morpheme, which in turn is also the sound-root. All the examples are grouped into a lexical nest and this makes it possible to trace the process of forming a systemic consensus. The paper also explores the semantic transformation of the root in the modern language.

Keywords: morpheme, root, semantics, etymology, Adyghe language.

Карданов Мусадин Латифович

кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»
musadin07@mail.ru

Езаова Мадина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»
madinaezaova@mail.ru

Шугушева Джулета Хабасовна

кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВО
«Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова»
shugushd@mail.ru

Аннотация: Этимологические исследования в абхазо-адыгских языках до настоящего времени проводились внутри языковой семьи с целью выявления общих корневых морфем или определения звукосоответствий в родственных языках. Значениям звуков не было уделено должного внимания, что затрудняло процесс восприятия семантики как самих слов, так и в частности, корневых элементов. Современные тенденции лингвистики в области этимологии, выходят за границы изучения собственно самого языка и требуют междисциплинарных исследований, которые обеспечат должную глубину анализа всех компонентов лексемы. В статье делается попытка полиаспектного рассмотрения одной корневой морфемы, которая в свою очередь, является и звук-корнем. Все примеры сгруппированы в лексическое гнездо и это делает возможным проследить процесс формирования системного единомыслия. В работе также исследуется семантическая трансформация корня в современном языке.

Ключевые слова: морфема, корень, семантика, этимология, адыгский язык.

Введение

Как известно, этимологическая наука учитывает, как законы фонетического соответствия, так и семасиологические связи (семантические переносы), существующие между различными словами, а также факты, полученные в результате сопоставления языковых данных родственных языков или вариантов одного языка. Наиболее эффективными методами, используемыми в этимологии, являются внешняя и внутренняя экстраполяции, суть которых состоит в выявлении выпавших, реконструированных в ходе исследования звеньев в историческом развитии слова, на основе существующих семантических и словообразовательных соответствий и отношений. Значение этимологии обусловлено тем фактом, что она, как никакая другая область языкознания куммулирует в целях своего исследования «современные данные, письменную историю, дописьменную

реконструкцию и семантическую типологию» [7, с. 148]. Современный этап этимологических изысканий отличается тем, что этимология выходит за пределы звуко-мысловых соответствий и все шире применяет методы глубинного постижения языковых процессов, основанных на когнитии. Как пишет известный ученый М.М. Маковский: «Необходимо иметь ввиду, что в целом ряде случаев в одном слове может быть скрыта тайна другого слова или целой семьи слов, а в этих словах может быть скрыта тайна человеческого мышления или даже тайна человеческого бытия. ... Только этимологический анализ может вскрыть внешне совершенно неочевидные связи и показать отсутствие связей, внешне вполне очевидных [5, с. 202].

Когнитивное моделирование лексического гнезда на адыгском материале актуально по многим причинам, потому что нерешенными остаются вопросы сло-

вообразования, семантики, а также проблема иерархии мотивационных признаков между однокорневыми словами. Приступая к анализу, следует обратиться к вопросу дифференциации таких понятий, как лексическое, словообразовательное, корневое и этимологическое гнездо. Несмотря на близость этих понятий, между ними существуют тонкие различия. Словообразовательная структура лексического гнезда, понимаемая как словообразовательное гнездо, может образовывать внутри лексического гнезда несколько словообразовательных подгнезд, сформированных на основе различных словообразовательных моделей, отличающихся своим способом отражения реальности. Таким образом, словообразовательное гнездо не линейная система, а сложное многовекторное образование, отличительным признаком которого является разнообразие словообразовательных типов, его формирующих. В свою очередь, в основе корневых гнезд лежат связанные корни, поэтому корневое гнездо может состоять из двух и более подгнезд, между которыми отсутствуют словообразовательные связи, которые возможно изначально и существовали, но исчезли в ходе исторического развития. Комплексное структурно-семантическое описание лексического гнезда начинается с начального этапа его формирования, т.е. анализа слов, образующих этимологическое гнездо, восходящих к одному звуко-корню.

Таким образом, структурно-содержательные границы гнезд различного типа остаются весьма размытыми. Словообразовательное гнездо является последовательным развитием этимологического или корневого гнезда. «Словообразовательное гнездо, являясь системой семантически и структурно связанных лексем, образующихся вследствие разновекторных словообразовательных актов, является в то же время подсистемой или частью общей структуры корневого или этимологического гнезда. Таким образом, лексическое гнездо, понимается как единство его этимологической и семантико-словообразовательной структур. Анализ мотивационных отношений в лексическом гнезде следует начинать с восстановления первоначального мотивированного признака или признаков исходной лексемы или исходной корневой морфемы.

Цель работы заключается в выделении звуко-комплекса гъу, его этимологических значений, а также в определении типологии семантических переходов, заданных и мотивированных исходной формой, анализа словообразовательных цепочек на материале абхазо-адыгских языков.

Современный когнитивный подход к вопросам этимологии и исторического словообразования позволяет провести анализ исходных звукокорневых единиц в рамках этимологических и словообразовательных гнезд, что наш взгляд, является перспективным в ады-

говедении, потому что адыгские корневые морфемы отличаются высокой степенью продуктивности, что было продемонстрировано в монографии одного из авторов данной статьи, посвященной когнитивному моделированию этимологических гнезд в разносистемных языках на материале французского и кабардино-черкесского [8]. Когнитивный подход предлагает широкие возможности в сфере экспликации семантических изменений, их типологии и систематизации. Также используются приемы сравнительно-исторического, семантико-мотивационных методов анализа.

Результаты исследования

Опираясь на теоретические основы, высказанные выше, приступим к анализу корня гъу, целью которого является определение его формального и содержательного наполнения.

Мотивированность цветолексем, восходящая к протопическим денотатам, наиболее ярко проявляется в наивном языковом сознании, находит свое отражение в мифопоэтике и фольклоре, поэтому анализ цветоименований в адыгской картине мира логично предварить замечаниями о символике цвета в системе адыгских мифопоэтических представлений.

Цветообозначения в адыгской картине мира наполнены глубоким символическим смыслом и семантическим содержанием, репрезентирующие как вещный мир, так и этнические нравственно-этические и эстетические принципы и устои [2, с. 321].

В «Грамматике кабардино-черкесского литературного языка» -гъу- рассматривается или как часть сложного корня или как словообразовательный суффикс: *зэ-мы-фэ-гъу* «не схожие по цвету; разноцветные»; *зэ-мы-гуэ-гъу* «разнопарые» [1, с. 100]; *гурылуэ-гъуэ* «понятный» [Там же, с. 98]. В реконструируемых же Н.Р. Иванковым словах, присутствующий в нескольких номинациях (*шыгъу* «соль», *благъуэ* «дракон» и т.д.) компонент -гъу- разъясняется автором как «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом» [3, с. 163], или «нечто, некая субстанция, предмет» [Там же, с. 51]. По нашему мнению, такие трактовки значения компонента гъу не только не раскрывают его сути, а наоборот, еще больше отдаляют от решения поставленной цели. Но следует отдать должное автору, что он одним из первых вышел за существовавшие рамки по этимологии в адыговедении и выдвинул свой взгляд на реконструкцию многих этимонов, гидронимов и других номинаций.

По нашему мнению, данный звук-корень является одним из самых продуктивных, который лежит в основе нескольких словообразовательных гнезд, образующих большую этимологическую группу или гнездо, чему

свидетельствуют разбираемые примеры в приведенных ниже группах, объединенных одним из первичных значений.

1. Звук-корень выделяется отчетливо из всех слов, которые близки к значению «то, что не является мокрым, влажным»: *гъуы* «сохни» [6, с. 104], *гъуцц* «сухой» [Там же, с. 106], *гъур* «засохший» [Там же, с. 105];

2. «То, что уже не растет, не развивается»: *гъуа* - причастие от глагола *гъун* [Там же, с. 104] (*жыгъуа*) «не развивающееся, засохшее дерево», *псыр гъуац* «вода засохла, омертвела, нет движения».

3. «Объект, где нет того, что должно развиваться, расти»: *гъуэгу* «дорога» [Там же, с. 101], *лъагъуэ* «тропа» [Там же, с. 489].

Соглашаясь с авторами Грамматики с трактовкой значения первой части слова в виде «нечто сухое», мы не склонны считать верным толкование второй части номинации *-гуы* как «поверхность», приведенное А.К. Шагириным. В доказательство справедливости нашей солидарной точки зрения, можно привести в пример другие лексемы современного языка: *лъагъуэ* «тропа» [9, с. 489] (букв. «ноги сухое») *лъэ* (нога) + *гъуэ* (сухое, без растительности). Невозможно отделить вторую часть данного примера от первой части сложного слова – *гъуэгу* «дорога» [Там же, с. 101], где *гъуэ/гъуы* «дорога» и *гуы* «арба, повозка» [Там же, с. 67] (букв.: «сухое, без растительности для арбы, повозки»). В приведенных примерах присутствует логическая, семантическая взаимосвязь, так как, на протоптанной «тропе», «дороге» нет растительности, там ничего не множится.

4. «Близкий объект/субъект»: *гъунэгъу* «сосед» [Там же, с. 105], «близкий», *лъгъуэ* «недалекий, близкий» [Там же, с. 826]. На первый взгляд кажется, что в семантической структуре данных лексем не содержится никаких общих смысловых признаков со значениями «засохший», «не множющийся». Но первое слово разлагается на *гъуы* в том же значении, что в словах третьей группы «засохнуть». Вторая часть *нэ*, нами выделенная, соответствует *нэ* в слове *унэ* «дом», о которой речь пойдет ниже, третья часть *гъу* - позже получившая значение аффикса совместности, т.е. грамматизировавшегося аффикса *гъу* и в целом слово означает «сосед» или «близкий» - «то, что ближе к тебе уже не может быть ничего, никого», ведь сосед через дом, это уже не твой сосед, а сосед твоего соседа, поэтому адыги для уточнения говорят: *Зы унэ дякуц* «Между нами один дом». Здесь нет речи о кровном родстве, а лишь о том, что к субъекту говорящему ближе на таком расстоянии не может быть другого субъекта. Во втором слове – *лъгъуэ* – выделяются два корня: *лъ* «рука» + *гъуэ* «недалекий» принимающее в современном кабардино-черкесском значение «близко», но содержащее

внутри себя смысл «приближать то, что можно достать рукой».

5. «Цвет»: *гъуэ* «светло-рыжий» [6, с. 100] - семантическая связь между опредмечивающим цветом, т.е. тем, что уже не является «зеленым», «растущим», а «засохшим» и его «последующим образом». Отсюда вытекают оттенки: *гъуа+фэ* (*гъуэ* «светло-рыжий» + *фэ* «образ») «светло-рыжего образ», *фа+гъуэ* (о человеке) (*фэ* «цвет» + *гъуэ* «светло-рыжий») «бледный» (букв. «образ засохший»), здоровый человек не может быть совершенно белым, так как белый цвет считается отсутствием цвета вообще, следовательно, и жизни. В первом примере многозначное в современном кабардино-черкесском наречии слово *фэ* имеет именно значение «образ»; другие значения данного слова – «кожа», «шкура», «цвет», «вы» [Там же, с. 664]. Надо признать, что в современном языке компонент *фэ* в сложных словах, который многими читается в значении «цвет», не имеет такого значения. Например, в *удзы+фэ*, *плъыжьы+фэ*, *хужы+фэ* и т.д. часть *фэ* не может иметь значение «цвет», так как семантика корней и в целом сложных номинаций отрицает такой факт: *удз* «трава» + *фэ* «образ» = «образ травы», *плъыжь* «красный» + *фэ* «образ» = «образ чего-то накаленного».

6. «Нора, гнездо, дыра» - *гъуэ* «нора» [6, с. 100]; *абгъуэ* «гнездо» [Там же, с. 19] (нечто выпуклое выше плоскости); *гъуанэ* «дыра» [Там же, с. 100], где *нэ* «глаз», что в совокупности имеет значение «засохший глаз». «Засохший глаз», по представлению адыгов, похож на дыру.

7. «Время, временной отрезок»: *уэ-гъуэ* «ударить время», *гузэвэгъуэ* – современное обозначение «горе», которое образовалось путем слияния *гу* «сердце» + *зэв* «узко» + *гъуэ* «время», что носит в себе смысл «сердца сужения время».

8. Анализ семантической эволюции звука-корня *гъу* демонстрирует, что на каком-то этапе развития одно из его первичных значений в процессе десемантизации превратилось в словообразовательный формант. Потеря собственного значения и переход в грамматический аффикс наблюдается в словах: *дыгъу* «вор», *гъудэ* «овод» и т.д.

К интересующей нас группе слов с корнем *гъу* относится номинация «железо» *гъуцц* [Там же, с. 106]. Являясь ископаемой (не только горной) породой, железо само по себе является «нечто застывшим, засохшим». Наверное, говорить о том, что номинация образовалась в более позднюю эпоху, не правомерно, о чем свидетельствует *гъуы* «нечто сухое/цвета желтого» + *цц* «земля», т.е. это то, что находили в земле, а соответственно это была «медь» *гъуа+плъэ* (букв. «желтовато-красное»). О том, что *гъуцц* «железо» является производным *гъуы*, отмечал и А.К. Шагиринов [9, с. 141]. В пользу предложенной версии, что *гъуаплъэ* «медь» восходит к *гъу* А.К. Шагириным приводятся соответствия

из абх. *a-bɣlwa*, абаз. *Ɂɣlwa* [Там же, с. 131].

Нельзя так же не согласиться с тем, что *-Ɂуэ-* служит для образования имен существительных исключительно от основ глагола с временным значением: *лэжьэ-Ɂуэ* «время работы», *кэухэ-Ɂуэ* «заход (солнца)» [1, с. 83], которые вписываются в семантический ряд в значении «застывшее» и данные примеры разъясняются как «время застыло для работы» - *лэжьэɁуэ*; «время застыло для захода» - *кэухэɁуэ*, т.е. есть «время для свершения этих действий и оно не множится, не подлежит передвижению».

В примере *Ɂуэтын* «найти» [Там же, с. 103] *Ɂуэ* в том же значении, что и в *Ɂуэгу* «дорога» и в целом само слово можно разъяснить как «дорогу дать/найти», а его антоним *Ɂуэцэн* «заблудиться» [Там же, с. 104] имеет значение «дорога гниет», т.е. «потерять дорогу». Здесь вторую часть (*цэ-цы*) мы связываем с *ц* в *цын* «гнить» [Там же, с. 789], которая, в свою очередь, выделяется из *цабэ* «мягкий» [Там же, с. 771]. Сравнение двух противоположных слов *Ɂуэцын* «сохнуть» - *цын* «гнить», где содержится один и тот же элемент *-цы-* в разных значениях и позициях, становится очередным подтверждающим фактом, что в адыгских языках звуко-корень исторически выходит из одной исходной точки, развивая два противоположных значения (энантиосемия). Рамки статьи не позволяют рассмотреть все словообразовательные гнезда, формирующие рассматриваемое этимологическое и лексическое гнездо *Ɂуэ*. Мы остановимся только на одном словообразовательном гнезде, восходящем к одному из первичных значений *Ɂуэ*, а именно значении «нора», «гнездо»: *унаɁуэ* «семья» [6, с. 656], *бынунаɁуэ* [Там же, с. 54] «семья с детьми», *унаɁуэ ихээн* [Там же, с. 656] «в семью войти (выйти замуж)», *унаɁуэц/э* [Там же, с. 657] «семейное имя (фамилия)», *унаɁуэ зэхэс* «семьи вместе сидящие (большая семья)», *лэɁунэ* «спальня», *лэɁунц/ык/у* «небольшая комната, пристраиваемая к дому с какой-либо стороны», *лэɁунлей* «кухня», *лэɁун-вакэ* «старинные женские комнатные туфли, тапочки» [Там же, с. 484], *унэц/эджэɁу* [Там же, с. 658] «семьи имя совместное (однофамилец)». Надо отметить, что адыги практически во всех перечисленных номинациях часто урезают элемент *Ɂуы/Ɂуэ*, что не разрушает целостного значения ими сказанного. Например, для *унаɁуэ ихээн* «войти в семью (выйти замуж)» полноценным эквивалентом выступает *унэ ихээн*; *бынунаɁуэ* – *бынунэ* «семья с детьми»; *унаɁуэц/э* – *унэц/э* «фамилия», тогда как адыгская диаспора за границей, в большинстве случаев употребляет *унаɁуэц/э*.

В ходе развития языка звукокорневая морфема *Ɂуэ* в отдельных случаях могла подвергнуться процессу десементизации, превратившись в словообразовательный аффикс. Когнитивный подход рассматривает процессы грамматизации как проявление когнитивной активности человека, которая проявляется в его способности

концептуализации мира и освоении более сложных, абстрактных сущностей через более простые, конкретные. Как пишет Е.С. Кубрякова наречение конкретных предметов и конкретных действий, имеющих наглядную физическую природу, становится источником формирования абстрактной лексики и грамматических единиц, к которым относятся и аффиксы [4, с. 74]. Исходя из вышесказанного, мы можем с полным основанием отнести к лексическому гнезду *Ɂуы/Ɂуэ* и лексему *щхэуэс/ыгэуэ* «повод», относящейся к причинной лексике, где произошел процесс грамматизации корневой морфемы в аффикс.

Весь словарный состав кабардино-черкесского наречия адыгского языка на букву *Ɂуэ* имеет значение «сухость», который в процессе развития языка развился до таких форм, что в современном языке трудно себе представить их взаимосвязь.

Заключение и выводы

Несмотря на существенные различия в распределении смыслов, семантических комбинаций, словообразовательных моделей между исследованными лексемами обнаружено заметное семантическое и формальное сходство. При наличии данного элемента во многих номинациях *-Ɂуэ-* в абхазском, абазинском и убыхском языках, *Ɂуабжэ* «темно серый», *Ɂуэ* «нора» [6, с. 100], *Ɂуэгу* «дорога» [Там же, с. 101], *Ɂуэжэ* «желтый» [Там же, с. 102], *Ɂуэцэн* «заблудиться» [Там же, с. 104], *пхэ(м)бэу* «доска» [Там же, с. 578], *Ɂун* «сохнуть» [Там же, с. 104], *Ɂусэ* «спутник» [Там же, с. 105], можно говорить о семантической общности звука-корня, которая получила свое дальнейшее многовекторное развитие. Но сразу следует указать, что семантическое развитие лексем, восходящих к единому звуко-корню не выходят за семантические рамки заданные исходными значениями.

Наличие большого числа одинаковых словообразовательных моделей и семантических значений не позволяет считать их случайными. Этот факт не объясняется единственно генетическим родством или языковыми контактами. Типология и иерархия мотивировочных признаков, лежащих в основе номинации, объясняется общностью законов мышления, проявляющаяся в сходстве семантических переходов на уровне языка. Анализ гнезда слов, восходящих к звуко-корню *Ɂуэ*, лексических единиц, их составляющих и их этимологов, показал, что данные лексико-семантические группы представляют собой системы на двух уровнях: словообразовательном и семантическом. В статье проведен анализ семантических структур однокоренных слов, в ходе которого выявлены связывающие их мотивационные отношения и определены основные векторы их семантической эволюции, что способствует выяснению характера всей системы. Базовое значение, из выделенных нами семи смысловых и одного словообразовательного

значений исходного слова, является отправной точкой появления определенного набора переносных значений. Таким образом, внутренняя форма исходного слова, корня, корневой морфемы лежит в основе создания новой лексической единицы. Мотивационные отношения, связывающие однокоренные слова, лежат в основе словообразовательных цепочек. Весь комплекс проанализированных однокоренных слов отражает специфику членения действительности народами, говорящими на абхазо-адыгских языках.

Примененная в работе методика сравнительно-исторического анализа может быть использована при анализе других звуко-корневых комплексов абхазо-адыгских языков и имеет большую перспективу для дальнейших исследований.

В нашем исследовании мы ограничились лишь од-

ной корневой односложной группой -гъу-. Основное значение корневой морфемы остается инвариантным в различных позициях внутри производного слова. Наличие этого элемента в примерах разных частей речи, свидетельствует о его гиперпродуктивности в адыгских языках. Исходя из значений примеров, можно сказать, что независимо от количества аффиксов, примыкаемых к звуку-корню, в глаголах не произошло смещение значения корня, тогда как в ряде существительных, в современном кабардино-черкесском происходит его перевод к аффиксальным морфемам.

Все многообразие смысловой эволюции деривационных актов, ее разновекторность развития является результатом когнитивной деятельности человека, который в процессе познания действительности называет ее сегменты, давая им различные характеристики и оценки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Наука, 1970. – 216 с.
2. Езаова М.Ю., Карданов М.Л., Шугушева Д.Х. Развитие языковой и лингвоцветовой картины мира в адыгской лингвокультуре / М.Ю. Езаова, М.Л. Карданов, Д.Х. Шугушева // *Social'nye i humanitarne znania*. 2022. Т. 8. № 3 (31). – С. 320-333.
3. Иваноков Н.Р. Избранные труды. Этимологический анализ некоторых адыгских (черкесских) слов / Н.Р. Иваноков // Нальчик: Изд. М. т В. Котляровых, 2015. – 360 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова // М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М.М. Маковский // М: Владос, 1996. – 416 с.
6. Словарь кабардино-черкесского языка/ИГИ КБНЦ РАН, I изд., М.: «Дигора», 1999. – 860 с.
7. Трубаев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О.Н. Трубаев // *Принципы и методы семантических исследований*. М.: 1976. – С. 147-180.
8. Хараева Л.Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разнотемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков)/Л.Х. Хараева//Нальчик, «Эль-Фа», 2007. – 238 с.
9. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков / А.К. Шагиров // Т.И. М.: Наука, 1977. – 292 с.

© Карданов Мусадин Латифович (musadin07@mail.ru), Езаова Мадина Юрьевна (madinaezaova@mail.ru), Шугушева Джулета Хабасовна (shugushd@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»